

Грегуар Делакур
Шкатулка желаний
Серия «Vintage Story»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6981977

Грегуар Делакур Шкатулка желаний. Роман: Фантом Пресс: ЭКСМО; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72045-3

Аннотация

По-французски элегантный роман о том, как связаны богатство и счастье. У Жослин была обычная жизнь — дом, семья, собственный галантерейный магазинчик, подруги. Так бы все и шло, не свались однажды на Жо гигантский лотерейный выигрыш в 12 миллионов евро. Жо не бросилась скупать дизайнерские наряды и драгоценности, не стала дарить мужу сверкающие авто, не отправилась в роскошный круиз. Нет, она решила сначала составить список своих заветных желаний, припомнить то, о чем мечтала всю жизнь, но никогда не могла себе позволить. И пока лотерейный билет тихо себе лежал в старой растоптанной туфле, гармоничная, пусть и не брызжущая счастьем жизнь Жо постепенно разваливалась на куски. Иногда, чтобы понять простые истины, нужно подойти к самому краю пропасти...

«Шкатулка желаний» стала одним из самых больших французских бестселлеров. Только во Франции книга разошлась почти полумиллионным тиражом, она издана в 29 странах.

Содержание

_____	6
_____	8
_____	10
_____	12
_____	14
_____	15
_____	17
_____	19
_____	20
_____	22
_____	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Грегуар Делакур Шкатулка желаний

Девушке, сидевшей на капоте машины; да, она там была.

*«Отчего мы узнаем счастье лишь по шуму, с которым за ним
захлопнулась дверь?»*

Жан-Луи Фурнье

LA LISTE DE MES ENVIES by Grégoire Delacourt

Copyright © 2012 by Grégoire Delacourt

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии Литературного агентства Анастасии Лестер

© Александра Василькова, перевод, 2014

© «Фантом Пресс», оформление, 2014

Чудесный, щемящий роман о счастье и о том, что его не купить ни за какие деньги.

Stylist

Очаровательная и умная книга о том, как богатство разъедает душу, в духе "Элегантности ежика".

THE BOOKSELLER

Фантастически увлекательный роман о том, что деньги и счастье никак не связаны.

VINTAGE ROSE BOOK REVIEWS

Грегуар Делакур обрушивает на голову своей героини гигантский лотерейный выигрыш, чтобы показать, что наши самые главные и важные желания нельзя осуществить за деньги, даже за самые большие.

HARPER'S BAZAAR

Очень элегантный лаконичный и глубокий роман о том, что наши желания — это всегда продолжение нас самих, и богатство способно удовлетворить лишь те, что лежат на самой поверхности, а настоящая синяя птица в золотой клетке непременно зачахнет.

IRISH INDEPENDENT

Очень французский роман чувств с французской же философичностью.

THE BOOK BAG

Щемящая книга о самой главной в жизни, чем-то напоминающая "Маленького принца". Написанная с утонченной простотой история ведет нас к очевидному, но в то же время непредсказуемому, очищающему финалу.
IRISH EXAMINER

По сути, это роман о том, что лучше не считать деньги в чужом кармане, не убеждать себя, что у соседа трава во дворе зеленее, а заглянуть вглубь себя и разобраться, что для вас главное.
CHOICE

Мы всегда себя обманываем.

Вот я, например, прекрасно знаю, что далеко не красавица, где там...

Никаких тебе голубых глаз — тех лазурных очей, в которые мужчины готовы смотреть часами, любуясь собственным отражением, тех лазурных очей, в которых мужчинам хотелось бы тонуть и тонуть, чтобы их спасали и спасали. Фигурой манекенщицы природа вашу покорную слугу тоже не наградила: я скорее полненькая... даже, можно сказать, толстая, — во всяком случае, на автобусном сиденье рядом со мной не очень-то поместишься, и мужчине среднего роста в одиночку меня руками не обхватить. О нет, я не из тех прелестниц, кому нашептывают бесконечные тирады со вздохами вместо каждого знака препинания. С такими, как я, разговор обычно короткий, и даже самый заваливающий мужичок ограничивается прямолинейными формулировками: голый костяк желая, ни тебе сочной мякоти, ни тебе хрустящей корочки.

Все это я отлично знаю.

И тем не менее, когда Жо нет дома, пока он не вернулся с работы, мне случается, поднявшись в спальню, замереть перед зеркальной дверцей нашего платяного шкафа, — кстати, надо бы напомнить мужу, чтобы прикрепил шкаф к стене как следует, не то еще через день-другой он во время моего *созерцания* рухнет и от меня останется мокрое место.

Насмотревшись вдоволь, я закрываю глаза и раздеваюсь. Медленно-медленно, так медленно, как не раздевал меня никто и никогда. Всякий раз меня немного знобит, и я поеживаюсь, но продолжаю, а раздевшись догола, не сразу открываю глаза. Теперь надо немного выждать. Посмаковать ощущения. Позволить мыслям свободно блуждать. Помечтать. И я отдаюсь грезам. Сначала мне видятся волнующие томные тела из альбомов с репродукциями, которые в прежние времена были разбросаны у нас по всему дому, а потом эти томные тела постепенно сменяются разнужданными — из глянцевого журналов.

Вот тогда-то, наконец, я потихоньку, так же медленно, как раздевалась, поднимаю веки.

И смотрю на собственное тело.

И вижу: свои черные глаза, свои маленькие груди, спасательный круг жирка на месте талии, спутанную черную шерстку пониже...

И вижу, как я красива, — да, клянусь, в подобные минуты я хороша собой, даже очень хороша.

И мысль о том, насколько я красива, делает меня бесконечно счастливой. Более того — чертовски сильной.

Да, я сознаю свою красоту, и она помогает мне забыть о неприятных вещах. Я забываю скучноватую галантерейную лавку. Забываю болтовню и лотерейные карточки сестер-близнецов Даниель и Франсуазы — их парикмахерская под названием «Красивая прическа» соседствует с моей галантерейной лавкой. Да, именно она, моя красота, помогает мне забыть обо всем скучном, застывшем и неизменном. О таком, как эта пресная жизнь без единого события. О таком, как этот город без аэропорта, этот ужасный серый город, откуда нет ни малейшей возможности сбежать и куда никто никогда не приедет, ни один похититель сердец, ни один белый рыцарь на белом коне.

Аррас¹. Население сорок две тысячи человек, четыре гипермаркета, одиннадцать супермаркетов, четыре забегаловки, с десятков средневековых улочек и мемориальная доска на улице Труа-Визаж, напоминающая забывчивым прохожим о том, что 24 июля 1775 года в

¹ Аррас — главный город французского департамента Па-де-Кале, расстояние от него до Парижа — 160 км.

доме № 222 по улице Мируар-де-Вениз (так раньше Труа-Визаж называлась) родился Эжен-Франсуа Видок².

Ну и еще моя галантерейная лавка...

Когда я, вся голая и такая красивая, стою перед зеркалом, мне кажется, будто достаточно взмахнуть руками — и я взлечу. Легко взлечу, грациозно... И мое тело станет в полете точно таким же, как прекрасные тела на репродукциях из альбомов в доме моего детства. Станет таким же прекрасным — и уже навсегда.

Вот только я никак не решаюсь попробовать...

Хлопает дверь, слышатся шаги — Жо пришел с работы, — и этот шум, как всегда, застает меня врасплох. Шелк моих грез расплзается, прореху уже не залатать. Я наспех одеваюсь — и сияние моей кожи хоронится в тени. Мне-то известно, какая редкостная красота таится у меня под одеждой, но Жо никогда не видит этой красоты.

Однажды он сказал мне, что я красивая. Это было больше двадцати лет назад, и мне тогда тоже было чуть больше двадцати. В тот день на мне был прелестный наряд — голубое платье с золотистым поясом, почти как от Диора, — и Жо сразу же захотелось со мной переспать. Его комплимента оказалось достаточно, чтобы все прелестные одежки мигом с меня слетели.

Сами видите — мы всегда себя обманываем.

Потому что любовь не выдержала бы правды.

² Эжен-Франсуа Видок (1775–1857) — французский авантюрист и сыщик, беглый каторжник, ставший впоследствии начальником сысской полиции.

Жо — это Жослен. Мой муж. И живем мы с ним в законном супружестве вот уже двадцать один год.

Жо похож на Венантино Венантини — красавчика, который играл Микки-заика в «Разине» и Паскаля, наемного убийцу из «Дядюшек-гангстеров»³. Тот же волевой подбородок, тот же сумрачный взгляд... солнце, золотистая кожа, итальянский акцент, от которого девушки млеют, и воркующие нотки в голосе, от которых эти гусыни покрываются гусиной кожей... Всего-то и отличий: у него, у моего Жоселино Жоселини, добрых десять килограммов лишнего веса, а от его акцента голова не закружится ни у кого.

Жо работает на заводе компании «Хааген-Дац»⁴ с самого его открытия, с 1990 года. Получает 2400 евро в месяц. Мечтает вместо нашего старенького телевизора марки «Радиола» купить плазменную панель. Мечтает о «порше-кайене». О камине в гостиной. О полной коллекции фильмов про Джеймса Бонда на DVD. О хронометре «Сейко». И о жене, более молодой и более красивой, чем я, — вот только в этом он мне не признается.

У нас двое детей. Нет, на самом деле их трое: мальчик, девочка и труп.

Наш сын Ромен был зачат в тот самый вечер, когда Жо сказал мне, что я красивая, и я из-за его вранья потеряла поочередно голову, одежду и невинность. Шанс забеременеть с первого раза выпадает одной-единственной женщине из нескольких тысяч — и выпал он, конечно же, мне. Два года спустя родилась наша дочка Надин, и с тех пор я уже никогда не возвращалась к своему прежнему, идеальному весу. Я осталась толстухой, этакой брюхатой, но при этом порожней бабой, вроде шара, заполненного пустотой.

Я — пузырь с воздухом внутри.

Когда я превратилась в этот пузырь, Жо перестал считать меня красивой и больше ко мне не прикасался. Все вечера он проводил на диване перед телевизором — сначала валялся там с мороженым, которое ему давали на заводе, потом с пивом «33 Export». А я приучалась засыпать одна. И приучилась.

Но однажды ночью Жо меня разбудил. Он был пьян и плакал. Грубо полез ко мне. Мне было с ним не справиться, и я пустила его в себя. В ту ночь ко мне в живот пробралась Надеж — пробралась, чтобы потом задохнуться там в моей плоти и моей печали.

Через восемь месяцев ее вытащили из меня — всю синюю, и сердце у нее не билось. Но у нее были чудесные ногти, длинные-предлинные ресницы, и хотя я так и не увидела, какого цвета у нее глаза, все же уверена, что эта девочка была красавицей.

В день рождения Надеж, ставший одновременно с этим и днем ее смерти, Жо завязал с пивом. Он перебил в кухне всю посуду. Он орал во все горло, что жизнь — мерзкая шлюха, блядская блядь. Он колотил себя в грудь и по голове, он лупил кулаками по стенам и по собственной душе. Жизнь слишком коротка, орал он во весь голос, это несправедливо. Надо пользоваться жизнью, мать-перемать, орал он, потому что времени нам отпущено всего ничего. Деточка моя, звал он, обращаясь к Надеж, доченька моя маленькая, где же ты? Где ты, лапонька моя? Перепуганные Ромен и Надин — сразу, как он разбушевался, — убежали в детскую, а Жо именно с того дня и начал мечтать обо всяких прекрасных вещах, с которыми

³ Венантино Венантини (р. 17 апреля 1930) — итальянский актер. «Разиня» («Le corniaud», 1965) — комедия Жерара Ури; «Дядюшки-гангстеры» («Les tontons flingueurs», 1936) — фильм Жоржа Лотнера.

⁴ Легендарный бренд «Хааген-Дац» (Haagen-Dazs) начинался с небольшого семейного предприятия в одном из спальных районов Нью-Йорка в 20-е годы прошлого столетия, сегодня Haagen-Dazs — признанный лидер своей отрасли, его предприятия выпускают мороженое и йогурты премиум-класса более чем в 70 странах мира.

жизнь делается более сладкой, а горе становится не таким горьким. О плазменной панели. О «порше-кайене». О Джеймсе Бонде. И о красивой жене. Именно с того дня он и загрустил.

Меня родители назвали Жослин.

У меня был один шанс из нескольких миллионов выйти замуж за Жослена, и я его не упустила. Жослен и Жослин. Симон и Симона. Луи и Луиза. Лоран и Лоранс. Рафаэль и Рафаэлла. Поль и Пола. Мишель и Мишель. Один шанс из нескольких миллионов.

И мне выпал этот шанс.

Хозяйкой галантерейной лавки я стала в том же самом году, когда вышла замуж за Жо, а до того два года работала там продавщицей — пока тогдашняя владелица лавки не подавилась пуговкой, которую пробовала на зуб, желая убедиться, что это настоящая слоновая кость. Пуговица соскользнула по влажному языку в гортанную часть глотки, порвала перстнечитовидную связку и застряла в аорте. Мадам Пийяр и не услышала, как задохнулась, — впрочем, я и сама этого не услышала, пуговица все перекрыла.

Я обернулась на грохот.

Падающее тело мадам Пийяр увлекло за собой коробки с пуговицами. Восемь тысяч пуговиц раскатились по полу, и первое, о чем я подумала, обнаружив трагедию, было: сколько же мне теперь дней и ночей ползать на четвереньках, пока соберу и разложу по местам восемь тысяч пуговиц — металлических, деревянных, штучных, авторских, детских и прочих.

Приемный сын мадам Пийяр, приехавший из Марселя на похороны, предложил мне выкупить лавку, банк дал согласие, и 12 марта 1990 года на фронтоне и на двери лавочки появилась скромная надпись: «Галантерея Жо, бывший Торговый дом Пийяр». Жо этим страшно гордился. «Галантерея Жо, — то и дело повторял он, выпячивая грудь, как будто она украшена медалью. — А Жо, между прочим, это я! Жо, между прочим, это мое имя!»

Я смотрела на Жо, и он тогда казался мне красавцем, я смотрела на него и думала: как же мне повезло заполучить его в мужья!

Первый год моего замужества вообще был ослепительным. У меня появилась галантерейная лавка, у Жо — новая работа, на заводе, и мы ждали появления на свет Ромена.

Надо сказать, моя лавка никогда не приносила большого дохода, да и сейчас не приносит. Мало того что у меня серьезные конкуренты — те самые четыре гипермаркета и одиннадцать супермаркетов, — так еще против меня ополчились, объединившись, три врага: предательские цены галантерейщика, который торгует по субботам на рынке, кризис, запугавший и озлобивший людей, и лень, свойственная жительницам Арраса, — ведь именно из-за этой лени местные дамы и девицы предпочитают доступность стандартной одежды неповторимости ручной работы.

Чем торгую? В сентябре мне обычно заказывают метки — те, что пришивают, или самоклеящиеся, а кроме того, иногда удается продать молнии, нитки и иголки бережливым хозяйкам, которые решили не обзаводиться новой одеждой, если можно привести в порядок прошлогоднюю.

Перед Рождеством раскупают выкройки карнавальных костюмов. Девочкам чаще всего берут принцессу — она всегда была и остается моим лучшим товаром, за ней идут клубничина и тыква. Что касается мальчиков, то обычно на первом месте пират, а в прошлом году все почему-то просто помешались на борцах сумо.

А потом наступает затишье до весны — хорошо, если за все эти месяцы удастся сбыть пару шкатулок для рукоделия, две-три швейные машинки и несколько метров ткани. В ожидании чуда я вяжу. Мои модели, между прочим, неплохо продаются. Особенно охотно покупают конверты для новорожденных, шарфы и хлопчатобумажные кофточки, связанные крючком.

Каждый день с двенадцати до двух моя лавка закрыта. Обычно, заперев ее, я в одиночестве обедаю дома. Но иногда, если погода хорошая, мы с Даниель и Франсуазой идем перекусить на террасе «Кабачка» или «Кафе Леффа» на площади Героев.